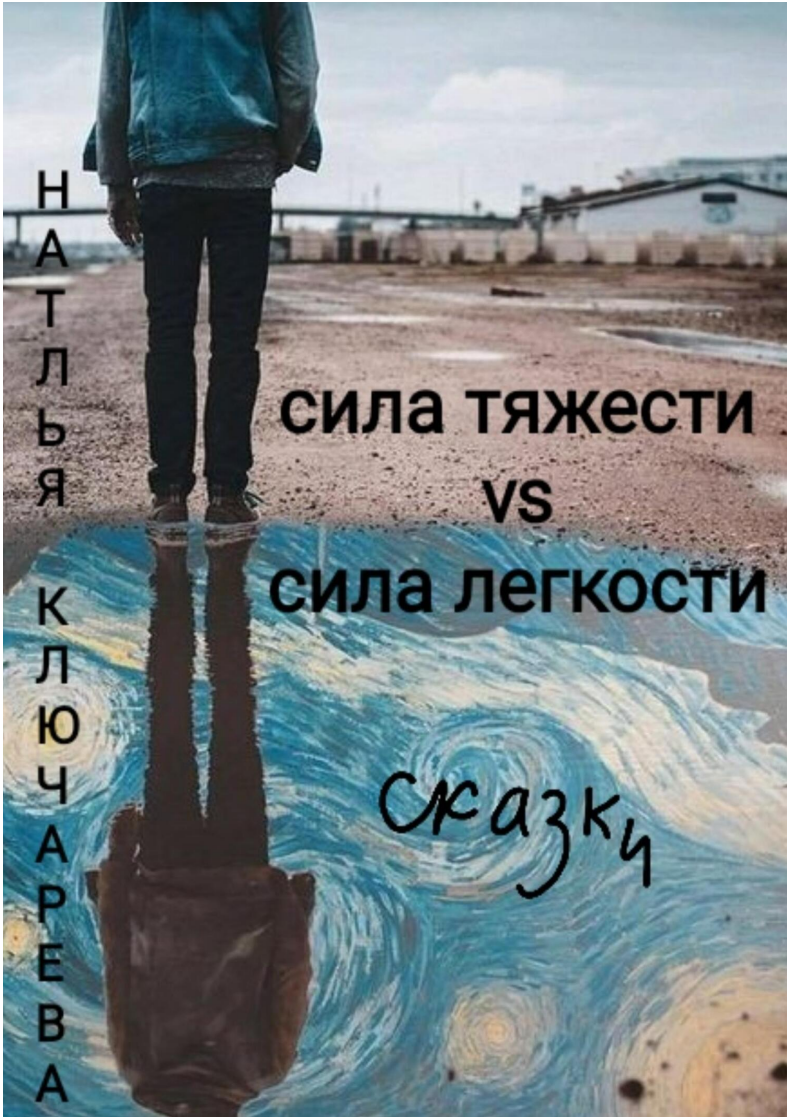

НАТЛЬЯ КЛЮЧАРЕВА
сила тяжести
vs
сила легкости
сказки

Наталья Львовна Ключарёва

Сила тяжести vs сила легкости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68982240
SelfPub; 2023

Аннотация

Сказки для всех возрастов – философские, озорные, абсурдные, печальные, бытовые. В сборник вошли сказки разных лет: "Король улиток", "Последнее чудо", "Олух царя небесного", "Дудочка Хильды", "Лукерьины звери", циклы "Однажды в городе", "Жила-была девочка" и "Сказки про всё на свете".

Содержание

Король улиток 4
Олух царя небесного 12
Лукерьины звери 20
*** 21
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Наталья Ключарёва
Сила тяжести vs сила легкости

Король улиток

Испокон века живет в окрестностях болот и на полянах с сочными травами тихий улитий народец. Улитки гордятся древностью своего племени и свято чтут старинные традиции. Одна из них – ожидание Короля Улиток, который, по преданию, всегда ползает где-то рядом и в любой момент может появиться на твоей травинке.

Короля Улиток никто не видел, но каждая улитка втайне верит, что именно ей суждено его встретить. Ученые улитки пытаются предсказать появление Короля: складывают и вычитают количество годовых колец, гадают по полету одуванчиковых парашютов.

Улитки никогда не выходят из своих домиков. А если им куда-то надо – тащат их с собой. Это еще одна древняя традиция. С самого рождения маленьким улиткам внушают, что всякому покинувшему домик грозит немедленная смерть. Ведь тело улитки нежно и уязвимо, а окружающий мир холоден и жесток. На улитьем языке «вышел из себя» означает

– умер.

По природе своей улитки замкнуты и молчаливы. Они редко дружат между собой. Да и как тут дружить, если каждый сидит у себя дома и только иногда выставляет наружу недоверчивые рожки.

Улитка У с детства был необщителен даже по улитьим меркам. Едва научившись ползать, он отнес свой домик на самый край поляны и зажил там совсем один на стебле высокого Иван-чая. Скоро о нем забыли даже родители.

Его ровесник, улитка Ли был чересчур подвижен для улитки. Ему никак не сиделось на месте. Почтенные улитки смотрели на него свысока. Но Ли это ничуть не смущало. Он неустанно исследовал поляну и однажды наткнулся на У, одиноко качавшегося на длинном листке. Они разговорились.

С тех пор Ли зачастил к высокому Иван-чаю. Он был любопытен, а в голове улитки У от долгого молчания вырастали большие мысли.

Одним золотым летним вечером, когда Солнце особенно нежно прощалось с притихшей Землей, Ли приполз на край поляны в неимоверном возбуждении.

– Сенсация! – закричал он так звонко, что с соседнего листа сорвалась капля росы. – Ученые расшифровали иероглиф жука-короеда на старом дубе! Там написано, что Король Улиток живет среди нас!

– Правда, сейчас узнать его невозможно, – продолжал Ли

уже тише, с досадой замечая, что У думает о чем-то своем и совсем не ошарашен его известием. – Говорят, мы увидим, кто был Королем, лишь когда он умрет. Наверное, это будет какой-то особенный знак на теле… Что творится в народе! Волнуется вся поляна! Несколько знатных улиток объявили себя Будущими Королями. Простые улитки не знают, кому верить. И на всякий случай поклоняются каждому, кто скажет, что он – Король.

– Да-да, – рассеянно отозвался У. – У меня тоже есть для тебя большая новость.

– Уж не больше моей! – обиженно фыркнул Ли.

– Я выходил из себя, – тихо и торжественно произнес У.

– Что?! – выдохнул Ли, и в голове у него все закрутилось.

– Я покидал свой домик.

– Но это же – невозможно! Каждому, кто покинет… грозит…

– Я жив, как видишь.

– Нет-нет-нет-нет! Ты врешь! Я не верю!

– Смотри, – шепнул У, и Ли тут же зажмурился от суеверного страха.

Но вскоре любопытство взяло вверх, и он открыл глаза. Чтобы увидеть то, чего не видела до него ни одна улитка. У медленно выбирался из своего домика. Его тело жемчужно светилось в наступающих сумерках. Он высунулся уже по пояс. Еще одно движение – и он весь оказался снаружи. Опустевший домик страшно мерцал на ладони замершего листа.

Ли задрожал, уверенный, что его друг сейчас погибнет.

Но случилось нечто невероятное. Освободившись от тяжелого панциря, У легко перепрыгнул на соседний стебель, оттуда – на склонившуюся вниз березовую ветку. Его движения были быстры и прекрасны, как танец, как музыка, как полет мотыльков, которым Ли всю жизнь мучительно завидовал. С головокружительной ловкостью У оказался на самой вершине дерева, и его сияющее тело слилось с огоньками первых вечерних звезд.

Через секунду он так же свободно соскочил вниз, едва касаясь упругих листьев. И, вздохнув, скрылся в домике. На поляне стало как будто темнее. Ли потрясенно молчал. Столько стремительных мыслей сверкало и прыгало в голове, что он не знал, за какой погнаться. От одной, самой заманчивой и страшной, просто захватывало дух.

«А что если…» – думал Ли и робко вытягивал из домика дрожащие рожки, но тут же так пугался своей дерзости, что стремглав нырял обратно. – «Нет-нет-нет! Каждому, кто покинет… Неминуемая гибель… Но ведь у него получилось… А что если…» – и он опять высовывался наружу.

– Нет, – наконец, сдался Ли. – Я не рискну. Наверно, ты какой-нибудь особенный. А я – уж точно погибну.

– В том-то и дело, – с жаром возразил У, – что я – самая обыкновенная улитка на свете! Если бы я был знатный, или ученый, или этот – как ты их называешь? – будущий король, тогда можно было бы сомневаться. Но ты же знаешь меня! Я

такой же, как все! Значит – все могут!

– Не верю, не могу, не буду! – вдруг разозлился Ли и с силой захлопнул дверь своего домика.

Всю ночь он промучился без сна, пытаясь опровергнуть очевидное и придумывая возражения и вопросы. Наутро он хмуро выглянул наружу и недружелюбно окликнул У:

– Эй! Ну, хорошо. Предположим. А зачем нам это? Тысячи лет жили без твоих фокусов – и ничего, нормально.

– Как? Как зачем? – растерялся У. – Ты ведь видел вчера. Это – совсем другое.

– Не нужно нам твое другое! – огрызнулся Ли и что есть мочи пополз прочь.

Он очень спешил. Он напрягал все силы. Он задыхался. Но тяжелый домик прижимал его к земле, и Ли двигался медленно и скучно. Он полз, и его маленькое тело клокотало от злости. Он вспоминал, как вчера У в три прыжка оказался на вершине березы. И почти ненавидел своего странного друга.

– И все-таки, это нужно! Нужно! – шептал У, грустно глядя ему вслед.

В тот же день в центре поляны появилась никому не известная улитка в потрепанном пыльном домике. Она забралась на травинку, служившую трибуной будущим королям, и закричала:

– Послушайте!

Улитки высунули рожки и оглядели пришельца. Ли узнал

У, и сердце его тревожно заныло.

– Ха! Смотрите! – засмеялись две знатные улитки. – Еще один будущий король! Почисти сначала домик, замарашка! Нет, этому мы ни за что не поверим! Самозванец, убирайся вон!

– Да нет же! Послушайте! Я хочу сказать вам совсем другое! – надрывался У, стараясь перекричать шум. – Улитки могут покидать свой домик! Да! Каждый из нас! Может стать свободным! Это легко! Это возможно!

– Кто это?!! – испуганно переглядывались улитки. – Что он несет?! Это сумасшедший Ка с торфяного болота? Вроде бы нет… Но тогда, что…

– Улитки могут покидать свой домик! – кричал У, раскачиваясь на травинке. – Я докажу вам! Я покажу!

В тени старого лопуха совещались будущие короли:

– Это ставит нашу власть под угрозу!

– Этого нельзя допустить ни в коем случае!

На полянке вдруг стало оглушительно тихо. Это У начал выходить из своего домика. Весь улитий народец следил за ним, затаив дыхание. Он выбрался наружу, выпрямился во весь рост и легко соскочил с травинки.

– Ах! – дружно выдохнула толпа.

– Видите! – восклицал У, прыгая от одной улитки к другой. – Я жив! Это возможно!

Улитки недоверчиво ощупывали его рожками. Понемногу над поляной нарастал радостный гул.

– Разрешите и мне потрогать, – сказал самый старый будущий король, подползая к У.

– Берегись! – пискнул Ли, заподозрив что-то неладное, но было поздно.

У доверчиво потянулся к будущему королю и тут же был повален на землю и связан гибкой осокой.

– Ой! – хором произнес народ и отшатнулся.

– Вот что бывает с тем, кто нарушает древние законы! – грозно выкрикнул будущий король. – Это величайший преступник! Завтра утром он будет публично казнен! А пока расходитесь! И пусть никто не смеет покидать свой дом!

Когда стемнело, Ли решился подползти к своему другу.

– Это несправедливо! – зашептал он, склоняясь над связанным У. – Ты ведь не сделал им никакого зла! Знаешь, я верю, что Король Улиток этого так не оставит. И сегодня же приползет освободить тебя. А сам я не могу, прости, вдруг ты все-таки преступник?

У ничего не ответил. Тело его так высохло за день на солнце, что в сумерках казалось прозрачным крылом мотылька. Ли уполз, глотая слезы. Улитки ведь тоже плачут. Иногда.

А ночью в лесу начался пожар. Небо озарилось страшным багровым светом. Трещали, умирая, деревья, рассыпались безжалостные искры, пламя подступало все ближе к полянке, где жил улитий народ.

И вдруг несколько самых молодых улиток выскочили из своих раскаленных домиков и помчались прочь по кочкам.

В мгновение ока они очутились на другом берегу болота, где не было огня. Вслед за ними и остальные улитки стали выпрыгивать из себя.

Перебравшись в безопасное место, улитий народец обернулся на свою пылающую поляну. И увидел связанного У, о котором никто не вспомнил в суматохе бегства. В этот момент огненный язык как раз дотянулся до него. У вспыхнул и взвился в небо.

И тогда у всех на глазах в расплавленном воздухе появилась маленькая корона и тихо поплыла над болотом, грустно задевая камыши. Она была похожа на шаровую молнию, только совсем крохотную, размером с орех. И все вокруг нее переливалось нежным жемчужным светом.

Огонь подступал к болоту. Шипел и смирялся. Кончался лесной пожар. Наступало новое утро.

Олух царя небесного

По выходным и праздникам Павёлка ходит в церковь – смотреть на ангелов. Он бы и чаще ходил, только поп Василий бывает в Толгоболи наездами: отслужит службу, повесит на двери замок и обратно – в Большой Город. Благо пути всего 20 минут, через мост переехал – и уже там.

Подходит Павёлка к закрытой церкви, трогает замок, заглядывает в щелку. Но ангелы живут у дальней стены, и разглядеть их отсюда не получается.

– Запер он вас, ага, сидите, чего уж! – говорит Павёлка для отвода глаз, чтоб не выдать тайну.

Сам-то он давно знает, что ангелы умеют выбираться из-под замка. Разгуливают потом по всей Толгоболи, как цыплята, скачут по окрестным полям, мелькают меж стволов березовой рощи, плещутся в Волге, а, может, и на тот берег переплывают, в Большой Город, они такие.

Но к приезду попа Василия успевают назад воротиться, шмыг на свое место, будто всегда тут и были. И стоят, хитрецы, слушают, как толгобольские старухи им песни поют.

Павёлка у алтаря усмехается, двумя глазами ангелам подмигивает (одним он не умеет), а те – и бровью не ведут, таятся.

Вот кончится служба, скажет поп Василий торопливое на-

путствие, громыхнет замком и бегом на остановку: полуденный автобус пропустишь – будешь до вечера по Толгоболи слоняться, у них там перерыв.

Походит Павёлка вокруг церкви, похитрит на всякий случай, да и ляжет где-нибудь в траву. Только зажмурится – ангелы тут как тут: чует Павёлка сквозь веки их солнечную чехарду. Выбрались, значит, на волю, играют.

Откроет глаза – и нет никого – только береза ветками шевелит – попрятались.

Закроет – и сразу брызнут из-под каждого листочка, поднимут ветер, обступят Павёлку и словно беличьей кисточкой сердце щекочут.

Заноет сердце, замрет сладко и покатится золотым колесом по небу. И увидит Павёлка сон.

…будто идет он один посреди пустого места, вокруг ничего нет. Смеркается, белеет в темноте дорога. Вдруг прямо перед ним – Город! Сияет, как сотня радуг, вьется вокруг горы, а на самой вершине – янтарная башня-свеча.

Стоит Павёлка сам не свой, духом захваченный. Льется Город в глаза, как живая вода, зажигает внутри ответную радугу-радость. И хочет Павёлка скорее туда попасть, бежит навстречу, а под ногами вдруг – пропасть бездонная: край Земли.

И видит Павёлка, что гора, на которой Город, прямо в небе висит. И нет к ней ни моста, ни брода…

Ходит Павёлка по Толгоболи, ищет, кому сон рассказать, никак не найдет. Жители все давно в Большой Город перебрались. Остались в Толгоболи одни старухи, да и тех нет. Каждое утро на рынок уезжают: продавать городским людям крокусы-да-флоксы.

Всего в Толгоболи три улицы: две вдоль Волги, а третья – от реки к автобусной остановке, Главная. На ней раньше и школа стояла, куда Павёлка три года в первый класс ходил.

Потом всех детей увезли в Большой Город учиться. А Павёлку в городскую школу не взяли. Ведь он – дурачок, и родители у него от водки умерли.

Вскоре приехала в Толгоболь сердитая тетка в фуражке, искала Павёлку на всех трех улицах, хотела сдать в специальное место, вроде тюрьмы. Но старухи его не выдали, пожалели. А еще кривая Лукерья открыла, что он умеет радикулит лечить.

– Поводит, – говорит, – ладонками над поясницей, прострел-то и отпустит! Лучше всякого Кашпировского!

С тех пор старухи стали Павёлку беречь и пастухом оформили.

Жили тогда в Толгоболи четыре козы и корова Изаура. Выгонит их Павёлка за огороды и завалится поскорей в траву, закутавшись в кофту кривой Лукерьи. Сны смотреть.

…и снится Павёлке, будто растут из неба вниз головой

цветы. То распустятся, то закроются, а сами – огромные! Один своей тенью всю Толгоболь накрывает. Разговаривают цветы меж собой без единого слова, гудят на разные голоса.

И все небо цветами горит, и ночь никак не наступит: светят они во тьме ярче всяких звезд. Лезет Павёлка на сарай – поглядеть поближе. Да не может никак ухватиться, смотрит – а вместо рук – огненные лепестки. И сам он – цветок…

Умерла Лукерья, корову Изауру сменила рыжая Марианна, Кашпировского – поп Василий. Раздался Павёлка в плечах – вся одежда трещит. Две улицы в Толгоболи заросли лопухами. А на Главной открылся Коммерческий Ларек «Ариэль».

Опустевшие от старух дома стали занимать дачники из Большого Города. Павёлку они не обижали, но и здоровались не всегда.

Помнётся Павёлка у забора, посмотрит, как те чай пьют, поулыбается без ответа. И уйдет восвояси. Вроде и есть люди, а вроде как бы и нет.

К вечеру вернутся с рынка уцелевшие старухи, усядутся на низкую скамейку в лопухах и начнут костерить дачников. И «хапугами», и «прохиндеями», и «японскими городовыми».

Подойдет Павёлка послушать и попадет под горячую руку. «Олух царя небесного», «статуй недельный», «пугало», «паноно» и еще какое-то: «папандополо». Отведут душу, а

потом жалуются, как Милиция их с рынка гоняет, штрафы дерет, а флоксы-да-крокусы в урны выбрасывает.

Милицию Павёлка хорошо помнит. Это ж та самая злая тётка, что хотела его в тюрьму сдать. Злится теперь на старух, наказывает.

Сядет солнце, замычит печальная Марианна. Разойдутся старухи по домам: смотреть сериал. А Павёлка спать ложится – чего еще делать.

…и снится ему, будто идет он рядом с самим Господом Богом. Бог – молодой, как в церкви нарисован. А вокруг дома огромные, одинаковые – Большой Город. Вот заходят они в один такой дом, залезают на крышу. И говорит Бог: «Пришел Мой час». Затосковал Павёлка, кровь потекла вспять. Бухнулся в ноги, схватил за платье: «Куда ты? – воет. – Не уходи!»

А Бог положил ему на голову ладонь, утешает. Затих Павёлка, и так хорошо ему стало, так сладко – как не бывает.

А Господь тихонько его голову отодвигает. Чует это Павёлка, да не может очнуться. Отвернулся Бог – и шагнул с крыши. Только тут Павёлка вскочил…

Порой у толгобольских старух гостят другие – покрепче – приехавшие на поклон к Толгской Богоматери, в обитель, что стоит чуть ниже по Волге.

Раньше там жили только ласточки, и одичавшие ангелы

осыпались со стен. Павёлка забрался туда однажды, да перепугался до икоты, когда на него упал и тут же рассыпался в пыль ангельский пальчик.

Теперь, говорят, все иначе. Живут в монастыре живые монашки, и матушка Варвара кормит их постным борщом. Но Павёлка все равно боится. Вдруг ангел без пальца затаился где-нибудь и ждет? Лучше уж он будет со своими знакомыми, из запертой церкви, в жмурки играть да слушать россказни заезжих старух.

– В городе у нас был блаженный, дедом Кузякой звали, босиком ходил в любые морозы. Как-то в войну забегает он к нам в детсад. Хлопнул в ладоши: «Бежим со мной!» Мы все и помчались. Он нам конфеты давал ведь. И только отбежали чуток – бомба прямо в детсад угодила! Одни головешки остались. Так-то.

– Осподипомилуй, – шепчут старухи и расходятся по домам, чтобы завтра попасть на раннюю службу.

Засыпает в лопухах и Павёлка.

…и видит, будто идет к нему по Волге старичок, в бороде запутался.

– Ты кто таков? – окликает Павёлка.

– Павёлка я, – отвечает, – поп из Рыбьей слободки.

– А чего это ты по воде гуляешь?

– Образок ищу, – вздыхает рыбий поп. – Отцово благословение.

– Как же он у тебя в Волге потерялся?

– Утоп вместе с городом! Слыхал про Мологу? Идем, покажу!

Цапнул старичок Павёлку за руку и тащит в реку. Павёлка – плыть, а вода – твердая, только пружинит слегка, как мох. Старичок усмехается и вперед бежит. Побежал за ним и Павёлка.

Очутились они враз на широком месте. Кругом вода, берегов не видать.

– Теперь под ноги смотри! – велит старичок. – Вон она, Молога-утопленница.

Пригляделся Павёлка, а внизу – подводный город: улицы, заборы, даже фонари. На звоннице – колокола сами собой колышутся, только не слышно ничего. А из окон в домах выглядывают водяные старухи.

– Они, – объясняет поп, – уезжать не захотели.

– Чем же они дышат?

– Господь им на удочке воздух в горшках спускает…

Любит Павёлка лежать на берегу Волги. Песок под щекой осыпается, бежит по своим делам. Жужжат на реке моторки, гонят волну. Качаются привязанные к мосткам тихие лодчонки. А другие – лодочные старухи – валяются брюхом к небу на песке, как большие дохлые рыбы.

За Толгоболью Волга изгибается и скрывает себя в речную тайну: излуку. Только длинные баржи знают, что там за

поворотом. И Павёлка порой летает туда во сне.

Летит он над незнакомой родной рекой, щекочут живот прибрежные сосны, поднимают головы усердные рыбаки, гудят белые пароходы, плывущие назад, к сельцу Толгоболь, где спит на берегу Павёлка, олух царя небесного. Спит и спит.

Лукерьины звери

Блаженны безымянные творцы узоров, сплетающие нити судьбы, ткущие полотно жизни, где все повторяется, как припев бесконечной песни, но каждый раз по-своему, на новый лад.

Где все неповторимо.

Блаженно ваше безликое вольное племя, уходящее корнями за край времен, в тридевятое царство, где все растворяются во всех, где каждый поворот руки прошел сквозь толщу поколений и повторяет движения праматерей.

Блаженны ваши цветы и звери, львы рыкающие, полканы, тяни-толкаи, кони-цапли на тонких ногах. Блаженны круги и перекрестья, листья и капли, ягоды и лучи.

Цветите, растите, будьте. Пойте нашу общую, нашу всегдашнюю песнь.

***

У Лукерьи на двери, на старой, высушенной солнцем многих лет, выбеленной снегом многих зим доске – василек-растрепка расцвел. Чтобы в дом войти, надо с цветком поздороваться. Почешешь его мизинцем под подбородок, он и рад: листьями плещет, хохочет – того и гляди сорвется с места и поскачет, брыкаясь, в чистое поле, как несмышленый телок.

Лукерья порой нарочно свой цветок расщекочет и выпустит – пусть проветрится. Бывает, тот домой и не вернется. Ни к ночи, ни через день.

Тогда Лукерья разводит краску в яичном желтке и новый рисует, краше прежнего. А на беглеца не обижается, только вздохнет иногда: как он там на вольной воле, всё ли ладно, всего ли довольно?

Случается, пойдет Лукерья в лес за крапивой или на луг – зверобой с полынью собирать, и встретит свое чадушко – одичавшее, обветренное, очень довольное.

Вон стоит, старой ольхе под бок прилепился. Или вон – с муравьиного пня кивает. Помашет Лукерье издалека и снова с бабочками перемигивается. У той сердце и успокоится: ничего, прижился.

Зимой рисует Лукерья свои цветы на снегу. Веточкой, которую ветер с дерева сдул. Заметет цветы метель, уйдет красота под снег, а весной побежит бурными ручьями в овраги,

умоет спящую царевну-землю и проснется та краше прежнего…

А Лукерья палкой в грязи нарисует солнце – в помощь весне.

***

Вообще-то, ее звали Лидия. Но это имя всегда казалось ей чужим, точно необитаемым. С детства она ясно чувствовала, что врет, называя себя так. И простой вопрос: "Как тебя зовут?" – всегда вызывал у нее секундное замешательство.

Она пыталась сжиться с именем, сделать его своим, собственным, обжить. Крутила и так, и эдак: Ли-да, Ли-ди, Ли-до – но оно никак ей не шло, топорщилось, как одежда с чужого плеча.

Когда она нарисовала первый узор, то вдруг услышала в его изгибах и повторах свое настоящее имя. Оно было странным, старинным. Конечно, мама никогда в жизни не могла ее так назвать: Лукерья Георгиевна.

Как-то само собой отменилось и отчество: Германовна. Но она этого почти не заметила, ведь за ним не стояло никакой реальности, кроме строчки в свидетельстве о рождении.

Новое имя сияло перед ней, словно солнце в ночном небе. Оно прокатывалось во рту, как речная галька, распускалось подобно цветам и хвостам райских птиц, которые тогда впервые стали являться ей в минуты между сном и явью.

Оно бурлило и брыкалось, само рвалось наружу, как потоки талой воды из-под осевших сугробов.

Потом она вспомнила: именно так звали прабабку, умершую задолго до ее рождения. И поняла, что это правильно: новое имя вплело оторванную нить ее жизни обратно в полотно рода.

***

Диковинные звери приходят к Лукерье в дом. Возьмет она кусок глины, помнет, не глядя, а потом вдруг – будто дверь распахнулась – уже знает, кто у нее в руках. Барашек-круторожек или лошадка-тонконожка или пес-мокронос.

Теперь Лукерья по сторонам уже не зевает. Белым лицом над глиной склоняется, как Луна над спящей Землей, быстрыми пальцами рвет, катает, вытягивает…

Как откроются у зверя глаза, начинает Лукерья с ним разговаривать. И слова-то все чудные, непривычные. Откуда они берутся, Лукерья не знает – никто с ней никогда так не говорил. И она ни с кем.

И все чудится ей, будто это сама глина, сама Мать-Сыра-Земля сквозь нее своих чад окликает и пестует.

"Раскрасавица моя, разумница, ладушка-ненаглядушка, за ушко да на солнышко, округляйся животок, загибайся коготок… Раз копытце, два копытце, выходи воды напиться…"

Лукерье немного страшно, словно она ворожит. И радост-

но, будто рожает.

После стоят звери на столе, обсыхают, оглядываются, в себя приходят. А Лукерья лежит пластом, и у нее едва хватает сил, чтоб улыбаться.

***

В минуты между сном и явью, стоит Лукерье закрыть глаза, вспыхивают перед ней в темноте яркие, словно солнцем очерченные цветы, сплетаются узорами ветви, слетаются, сверкая ярче зарниц, жар-птицы с каплями огня на каждом пере…

В мгновение ока вырастают небывалые деревья до небес, раскидываются, словно скатерть-самобранка, поля оглушительного разнотравья, и летят по ним – быстрее стрел, легче ветра – красные кони с лебединым изгибом шей.

Одни образы сменяются другими, так что Лукерья не успевает перевести дух. Голова начинает кружиться, и в глазах рябит, будто в жаркий день смотришь на реку с сильным течением.

Но едва Лукерья пытается вглядеться в какую-нибудь картину, чтобы запомнить детали, как все расплывается, краски смешиваются и гаснут, и вот перед ней только темнота и привычные очертания домашней утвари.

Лукерья набирает воздуху полную грудь, будто в омут собралась прыгать, и опять закрывает глаза.

Маятник в часах успевает качнуться только в одну сторону – а река уже вновь подхватила Лукерью и понесла, как щепку, сквозь радужный ирий сад.

Лукерья лежит, не шевелясь, на спине, и слезы бегут по вискам в разметавшиеся на подушке волосы.

Жгет ее изнутри красота. Манит и не дается в руки.

Наутро возьмет Лукерья с полки какого-нибудь глиняного козлика, приголубит и попытается украсить его крохами своих ночных видений.

Сияют Лукерьины звери – с улицы видно. Дети носы о стекло плющат, глаза таращат.

А Лукерья печалится и вздыхает: не то всё. Совсем не то.

***

Бывают у Лукерьи смутные, недужные дни. Обычно после особенно ладной игрушки, над которой руки летают сами, как птицы.

На другое утро встает Лукерья не с той ноги, и всё у нее идет вкривь и вкось, даже самое простое.

"А ну вас совсем!" – в сердцах бросает Лукерья, накидывает кое-как платок и бежит из дома прочь, прочь, куда глаза глядят, куда несут ноги.

Она уже знает, почему чувствует себя, как разбитый горшок на плечах пугала. Это в первые разы пугалась до слез, отчаивалась, а теперь привыкла к тому, что иногда путь ле-

жит через пустыню.

Это засуха. Пересох поток, мчавший сквозь нее образы, водивший ее рукой. Иссяк, истомился.

Она должна позвать обратно в себя живую воду, вернуть своенравную реку назад в берега.

Для этого надо замедлить бег, отдышаться. Поверить, что засуха – не навсегда. Остановиться. И отворить зренье.

Просто смотреть вокруг. Просто смотреть. Смотреть.

Вон под мышкой у кривой березы улыбается гриб-чага, а если приглядеться – так это же чудо-юдо рыба-кит! Любуется им Лукерья, неспеша запоминает: здесь – прогиб, тут – поворот, там – глазок, потом – хвосток… Она уже знает, как вылепит его, добродушного увальня, жителя морских глубин.

Тихо-тихо шагает Лукерья дальше.

Снова счастлива, снова жива, снова ведома.

"Смотри", – словно подсказывает ей кто-то.

И Лукерья видит в морщинах старого дуба лицо лесного духа, недоброго и незлого, себе на уме, глаза – как плошки, нос – картошкой…

Видит, благодарит, запоминает.

"Смотри, смотри", – окликают ее из облачных переливов, березовых переборов.

И Лукерья знает, что те, которые спрятались там, очень хотят быть найденными. И смотрит во все глаза.

А рукам уже невмоготу ждать, пляшут пальцы в рукавицах, как нетерпеливые скакуны.

Бывает, Лукерья никак не может их сдержать. Зачерпнет снега и прямо на ходу, смеясь, лепить начинает.

***

Метельный случился вечер, порывистый. Настоящий буран, хоть и март на дворе. Лукерья вышла на воздух, чтоб глаза отдохнули, и вспомнила бабушкину присказку: "Марток – надевай порток".

Но при этом почему-то представила себе не сгорбленную старушонку, а сопливую девчонку, которую мать туго крест-накрест затягивает в шерстяной платок. И поняла, что это прабабка Лукерья Георгиевна так говорила. Часто она ей теперь на ум приходила.

Все деревенские люди сидели в такую непогоду дома, и между снегом земным и снегом небесным не было, кроме Лукерьи, ни одной живой души.

Она по привычке начертила солнце в сугробе, помогая замешкавшейся весне. И пока отогревала палец в кармане, рисунок стерла белая крупа.

Вдруг Лукерье почудились голоса. Проваливаясь по колено, она добрела до угла дома и увидела под боком небольшого пригорка три копошащиеся фигурки. Две маленькие и одну еще меньше.

Те две, что побольше, плавали в снегу на животах, барахтаясь и бодро покрякивая. А третья лежала пластом и с лю-

бопытством разглядывала что-то у себя под носом.

– Вы рыбы? – спросила Лукерья, когда пловцы добрались до нее, вскочили и тут же плюхнулись на попы.

– Я – трррррактор! – взревел мальчик и молниеносно протаранил грудью ров вокруг Лукерьи.

– А я – Кристина, – сообщила девочка, глядя в упор круглыми черными глазами.

"Тоже чужое имя, – подумалось Лукерье, – на самом деле – Катерина".

– А там лежит Сабрина. Она все время падает. Нам надоело поднимать, – подскочил мальчик.

"Серафима", – эхом откликнулось в Лукерье.

– А вон там под снегом – дохлая кошка, – тараторил мальчик, блестя такими же, как у сестры, глазами-вишнями, – придет весна, и все ее увидят!

"А ты – Федот", – угадала Лукерья.

– А я – Макс! У меня даже под шапкой снег!

– Дя-дямм! – завопила припорошенная снежком Серафима, соскучившись лежать одна.

Катерина подползла к ней, ухватила за подмышки и потянула. Обе не сдвинулись с места. Лукерья сделала три больших шага, выдернула малышку из сугроба и поставила рядом с собой.

Серафима вытаращила на Лукерью свои черные бусинки, пошатнулась и плюхнулась обратно.

– Смотрите! – закричал Федот. – Белая собака!

– Аф! – восхищенно откликнулась Серафима.

– Совсем по-другому белая, чем снег, – подумала вслух Лукерья.

– Она белая, как грязный снег, – подхватил мальчик, – и если она ляжет в сугроб, и ей закопают голову, то никто не догадается, что это собака! А потом все ка-ак испугаются и упадут, когда на них вдруг грязный снег залает!

Старшие дети засмеялись, а малышка испытующе поглядела на них и через секунду старательно гоготнула:

– А-ГАК-ХАА!

– А можно к вам в гости? – спросил Федот.

– А нельзя! – тут же, будто ждала, выпалила Катерина. – Мелкая там всех козлов перекокает! Давайте лучше мы вам снежных ангелов покажем.

– Давай! – обрадовалась Лукерья.

Брат и сестра одновременно бухнулись на спины и замахали по снегу вытянутыми руками – вверх-вниз.

– Теперь тащите! Чтоб не смазалось! – скомандовал Федот.

Лукерья по очереди подняла детей. И в сугробе остались лежать два маленьких ангела с круглыми крыльями. Тоже, наверное, брат и сестра…

***

Лепит Лукерья лесного хитреца, щербатого пересмешника Ау, что водит путников кругами по чащобе. Лепит и сердится, что облезлые крылышки его никак не хотят расти красиво.

И такой несуразный весь – полуптица, полугриб, полукоряга – глаза б не глядели. Не любит Лукерья лепить таких страшилищ, тьфу на них совсем, никакой узор их не красит, тьфу, тьфу, а вот ведь попросился, какое там – навязался, сам вылез из безропотной глины и подмигивает мастерице: "Не ждала, хозяйка?"

Хочет Лукерья скомкать лешака, скрутить да раскатать по столу. И налепить взамен веселых барашков с дудками. Но знает: никакие птицы и звери после него в этот кусок не пойдут, а если настаивать, появятся на свет такими, что лучше б их не было совсем: унылыми, кособокими – глянешь и сам сгорбишься, помутнеешь, вспомнишь о плохом.

"Смять и за окно", – лихорадочно думает Лукерья, а сама продолжает лепить, как привязанная.

И вдруг понимает, что и в руки ее – скверные и нечистые – уже не пойдут добрые звери, затаятся, отступятся, будут обходить стороной.

"Ой, куда ж я без вас…" – зовет Лукерья, а сама лепит всё быстрей, всё жарче, будто боится, что прервут.

Душно ей, чадно, липкий пар от рук поднимается, застилает глаза, и вот она уже не видит, что там вытворяют ее пальцы…

Вдруг чудится ей, будто сама прабабка Лукерья Георгиевна где-то тут, рядом – суровая, крепкая, как дерево. Пытается Лукерья за нее ухватиться, чтобы выбраться из своего тумана, и видит, что бабка ей будто слова подсказывает…

Тут же в ушах у Лукерьи поднимается визг, лязг, истошное кукареканье – силятся бабкин голос прочь отогнать, запутать.

Но крепка Лукерья Георгиевна, упрямо твердит своё. И понемногу Лукерья начинает слышать и сухими губами, непослушным языком повторяет, как маленькая, совсем не вникая в смысл:

"Душетленных мя пакостей избави… от мысленнаго волка звероуловлен буду…"

***

После этого Лукерья Георгиевна стала порой к правнучке захаживать. Придет в сумерках, сядет в углу, где тени гуще, а свет зажигать не велит. Отложит Лукерья недоделанную утицу – нелепо же лепить наощупь – вытрет руки ветошью и ждет.

Долго ли коротко ли, начинает гостья рассказывать. Голоса-то будто и нет, слова у Лукерьи сами в сердце складыва-

ются.

И всегда об одном и том же горюет в потьмах прабабка, никак не выскажет, не вытянет из себя вековую свою тоску.

"Больше всех я тятеньку любила. С ним бяда приключилась лютая, такая, что и вспоминать о нем заказано. А я все помню. Уйду одна в лес и с ним толкую, ровно он живой. Но не укоряю, не вою, "на кого нас покинул" – не спрашиваю. Ему, чай, и без того не сладко – за оградой ведь схоронили, как нехристя. А он, тятенька, доброй был, жалел и нас, ребятишек, и скотину, и всякую Божью тварь…

Только соблазнил его один балабол заезжий, сбил с толку. Пустили его, гадюку, как человека, ночевать, а он язык свой ядовитый распустил, защелкал зубьями: "Жаль мне тебя, грит, так и прозудишь всю жизнь в своем болоте, как комаришко. А человек мечтать мечту должон, о щастьи думу думати…"

Жаль ему, ишь ты, змей жалостливый – с жалом вострым!

А тятенька возьми да и задумайся. Два дни лежал на лавке, думал, почернел весь, мать за попом послала, да тот в отъезде был. Только, я чай, не уберег бы его и поп – больно крепко задумался…

Ночью встал отец, слышу, пошел в сарай, колотить, пилить начал. Я, дуреха, лежу рада-радёшенька: за работу взялся, стало быть, отлегло. А утром глядим – тятя крылья себе наладил, большие, навроде мельничных… Мамка – кричать,

мы – реветь, а он знай лопасти энти холстом обтягивает и ухом не ведет…

Набежали соседи, вязать хотели, да где там. Силен был, как медведь. Раскидал всех и крылья свои окаянные на колокольню поволок. Мама родная! Тут и я догадалась, чего он затеял! Ой-ёй!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.